

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

К ВОПРОСУ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ НА КРИТЕ В ЭПОХУ НЕОЛИТА И БРОНЗЫ

(Реконструкция социальных отношений на основании археологических памятников)*

Реконструкция прошлого на основании археологических данных может, несмотря на отсутствие соответствующих письменных памятников, дать более или менее правильную картину условий жизни, социально-экономического строя, уровня архитектуры, искусства, ремесла и даже конкретных форм религиозных культов, которые господствовали в том или ином обществе.

На Крите одной из наиболее многочисленных, притом наиболее впечатляющих, групп памятников III и II тысячелетий до н. э. являются памятники строительства. Эта группа памятников может послужить источником как для общих выводов в отношении перехода критского общества от первобытно-общинного к классовому строю, так и для более частных выводов относительно этапов развития критского общества в границах одной формации.

Попытки установить, насколько памятники жилых центров и строительства на Крите в эпоху неолита и бронзы могут быть использованы как исторический источник, встречаются с серьезными затруднениями, которые обусловлены современным состоянием изученности археологического материала и его разбросанностью и фрагментарностью. Тем не менее попытка предпринять исследование такого рода кажется целесообразной, особенно учитывая тот факт, что памятник строительства, будучи воздвигнут в определенном месте, в определенное время и при определенных условиях, был во время своего создания тесно связан с конкретными потребностями общества¹. Имеющаяся во многих случаях связь с существовавшими в данной области местными традициями часто может служить свидетельством сопротивляемости или, наоборот, подчинения влиянию других культур и ввезенных чужеземных образцов. Тем не менее само собой разумеется, что далеко не все категории памятников среди сохранившихся *in situ* поселений, жилых построек, мест культа и захоронений в одинаковой степени пригодны для восстановления общих рамок развития критского общества.

В научной литературе нет ни одной исчерпывающей монографии о строительстве не только в Эгейском бассейне, но даже на одном Крите². Существуют только многочисленные аналитические исследования, например о планировке городов на Крите (Хэтчинсон)³, о зависимости дворцовой архитектуры от иностранных образцов (Лоуренс)⁴, о принципах ориентировки построек Крита (Маринатос)⁵ и др. Авторы

* Ряд положений статьи был более подробно разработан автором в следующих работах: *Problemy periodyzacji budownictwa sakralnego na Krecie w III i II tysiacleciu p. n. e.*, «Archeologia», VII, (1957), 2, стр. 31—68; *Budownictwo sepulkralne Krety w erose neolitu i brązu*, там же, VIII (1958), 2, стр. 327—366; *Domy i pałace Krety w erose neolitu i brązu*, там же, IX (1959), I, стр. 1—31.

¹ Ср. Н. Н. Воронин, Архитектурный памятник как исторический источник, СА, XIX (1954), стр. 41 слл.

² В последние годы на это обращал внимание У. Б. Динсмур (W. B. Dinsmore), *The Architecture of Ancient Greece*, L., 1950, стр. 3) Работа Э. Белла (E. Bell, *Prehellenic Architecture in the Aegean*, L., 1926) в связи с последующими открытиями устарела. К тому же автор не имел намерения написать монографию о строительстве в Эгейском бассейне (JHS, XLVI, 1926, стр. 138).

³ R. W. Hutchinson, *Prehistoric Town Planning in Crete*, TPR, XXI, (1950), 3, стр. 199—220.

⁴ A. W. Lawrence, *The Ancestry of the Minoan Palaces*, ABSA, XLVI (1951), стр. 81—85.

⁵ S. Marinatos, *Zur Orientierung der Minoischen Architektur*, «Proceed of the First Internat. Congress of Prehist. and Protohist. Sciences», L., 1932.

трудов, использующих археологические материалы для восстановления некоторых страниц истории Крита, вне зависимости от того, какую группу памятников они преимущественно анализируют, приходят к весьма различным, часто противоречивым выводам о характере критского общества (Глотц⁶, Пендлбери⁷), о социальном строе, в условиях которого жили его обитатели (Богаевский⁸, Маевский⁹, Уэс¹⁰), о значении Крита в пределах Эгейской культуры и вне Эгейского мира (Эванс¹¹, Стар¹²), о причинах ее упадка (Моссо¹³, Леви¹⁴, Струве¹⁵, Матц¹⁶).

Древний Крит — это территория, на которой были открыты следы существования древнейшего государства в Европе¹⁷. Продолжавшиеся в течение полувека археологические работы на этом острове дали нам памятники, принадлежащие к самым различным эпохам. Сведения, полученные об эпохе позднего неолита и ранней бронзы, разрешают археологам бросить взгляд на тот период истории Крита, который предшествует возникновению в критском обществе классов и государственной организации. Период средней и поздней бронзы доставил множество доказательств значительного общественного прогресса, развития ремесла и торговли, а также имущественного расслоения, т. е. таких черт, которые невозможно согласовать с формами жизни, присущими первобытной общине.

Таковы первые выводы, следующие из беглого обзора материального наследия раннего Крита. Изучение строительного дела Эгейского Крита зависит от находок, происходящих из разных частей острова и принадлежащих различным периодам; при этом, характеризуя одни периоды, мы должны в большей степени обращаться к жилым помещениям, анализируя другие, — к погребениям. Определяя датировку рассматриваемых памятников, мы вынуждены пользоваться главным образом относительной хронологией, так как до сих пор еще не завершена дискуссия об абсолютной хронологии Крита, в частности о введенной Эвансом периодизации.

В узких рамках данной статьи я бы хотела выдвинуть некоторые проблемы, связанные со строительным делом древнего Крита и его жителями как людьми, создавшими и использовавшими эту группу памятников материальной культуры, которая играла весьма серьезную роль в общественной жизни.

1. Развитие форм жилого строительства от естественных пещер, характерных для первобытно-общинного строя, до дворцов и вилл в Критском государстве. Археологический материал, восходящий к самым древним культурным слоям острова, позволяет установить, что начало жилого строительства относится к эпохе позднего неолита. Древнейшие известные нам дома были построены в простейшем плане, который, возможно, частично был заимствован из внутреннего расположения жилых пещер, используемых в течение всей эпохи неолита, несмотря на то, что в непосредственной близости от этих пещер строились жилые дома (например пещера и дом в Магасе¹⁸). Вполне вероятно, что во времена эти примитивные каменные постройки как-то связаны с возникновением племенной верхушки, приобретающей все большее влияние в обществе. Из-за фрагментарности археологических материалов трудно

⁶ G. G l o t z, La civilisation égéenne, P., 1923.

⁷ J. D. S. P e n d l e b u r y, Archaeology of Crete, L., 1939.

⁸ Б. Л. Б о г а е в с к и й, Первобытно-коммунистический способ производства на Крите и в Микенах, П., 1933.

⁹ K. M a j e w s k i, Społeczno-polityczna periodyzacja kultury egejskiej, «Archeologia», I (1947), стр. 203—207.

¹⁰ A. J. B. W a c e, The History of Crete in the Third and Second Millennium B.C., «Historia», I (1953), стр. 74—94.

¹¹ A. E v a n s, The Early Nilotic and Aegyptian Relations with Minoan Crete, L., 1926.

¹² C. G. S t a r, Myth of Minoan Thalassocracy, «Historia», III (1955), стр. 282—291.

¹³ A. M o s s o, Palaces of Crete and their Builders, L., 1910, стр. 163.

¹⁴ D. L e v i, Arcadia, an Early Greek town, «Annual of Archaeology and Anthropology», XII (1925), стр. 4.

¹⁵ В. В. С т р у в е, Общественный строй древнего Крита, ВДИ, 1950, № 4, стр. 47.

¹⁶ F. M a t z, Die Ägäis, в кн. «Handbuch der Archäologie...», München, 1950, стр. 179—306.

¹⁷ Период возникновения государства на Крите по-разному называется в литературе. Некоторые ученые, как, например, Хэтчинсон, ук. соч., стр. 106, определяют его как «дворцовый период»; другие, как Г. Чайлд (G. G h i l d e, The Urban Revolution, TPR. XXI, 1950, стр. 3—17; о н ж е, Progress and Archaeology, L., 1945), пишут о «городской революции». Против искусственного сужения генезиса и характера перемен, происходивших в критском обществе, до явления «городской революции» выступил К. Маевский (Historia kultury materialnej, Warszawa, 1953, стр. 16). О дискуссии советских ученых о социальном строе Крита см. Т. М. Ш е п у н о в а, В Академии наук СССР, ВДИ, 1940, № 2, стр. 204—218.

¹⁸ R. M. D a w k i n s, Excavations at Palaikastro IV, ABSA, XI, стр. 258, слл.

сказать, были ли сохранившиеся единичные дома построены для вождей, с тем чтобы тем самым выделить их из массы рядовых общинников, живших в пещерах, или же существовали некогда большие комплексы аналогичных домов, быть может, построенных из менее прочных материалов и поэтому не сохранившихся. Многокомнатные дома в Кноссе (Evans, The Palace of Minos, II, 1, стр. 19) и несколько более поздние постройки в Васпилики¹⁹, по-видимому, более отвечали нуждам племенной общины и были заселены членами одного рода.

От раннеэгейского периода сохранились до нашего времени лишь весьма скудные остатки строений. Поэтому памятники жилого строительства позволяют только в самых общих чертах охарактеризовать период разложения первобытно-общинного строя на Крите. Зато следующий, среднеэгейский период вводит историка сразу же в новые социально-экономические отношения. Обитатели сохранившихся вилл и других хорошо оборудованных домов, по всей вероятности, группировались вокруг двора правителя и принимали активное участие в политической жизни организующего государства. Это были экономически сильные и связанные с государственной администрацией лица (Кносс²⁰, Маллия²¹), мореходы (Псира²²), земельные собственники (Тилисс²³), купцы (Закро²⁴), художники и ремесленники (Кносс²⁵, Мохлос²⁶). Прежде всего, именно эти люди усовершенствовали и развили формы и технику строительства на Крите, согласно новым потребностям и своим классовым интересам. В то же время небольшие критские домики из нескольких комнат занимали провинциальные ремесленники, земледельцы, люди, чьи условия жизни можно реконструировать благодаря открытиям в Сту Куси (S. Marinatos, «Arch. Deft», 1922—1925, стр. 53), Апесокари²⁷, частично в Палекастро²⁸, Закро, Ватипетро²⁹ и др. Таким образом, жилые постройки являются важным источником для изучения как имущественного расслоения жителей Крита, так и места, занимаемого ими в государстве.

2. *Сосредоточение многих жизненных функций во дворце как результат роста и расширения власти человека, стоящего во главе государства.* В раскопанных дворцах ясно заметно деление на жилую часть, на официальные помещения, предназначенные для аудиенций, на помещения культовые, административные (архивы), хозяйственные (склады) и ремесленные. Такое четкое разграничение свидетельствует о том, что дворец был местом, где сосредоточивались все указанные стороны жизни; за ними постоянно наблюдал владетель дворца, он руководил ими в качестве представителя государства, командующего вооруженными силами, верховного жреца, властелина, принимающего подати от своих подданных, начальника царской канцелярии и организатора ремесленных мастерских дворца.

3. *Реконструкция элементов классового общества на основе остатков жилых поселений средне- и позднеэгейского периодов.* Исходя частично из предложенных Г. Чайлдом (Urban Revolution) общих критериев разграничения сельских и городских поселений на основе археологических памятников, в постройках некоторых селений Крита,

¹⁹ R. B. Seager, Report of Excavations at Vasiliki, Crete in 1906, «Pennsylvania Transactions», II (1907), 2, стр. 111 слл. Глоуи, ук. соч., стр. 154, считал дом в Василики жилищем рода, жившего в условиях первобытно-общинного строя. Менее решительную позицию занимает Жоуренс, ук. соч., стр. 84, который, исходя из того, что в помещениях дома нет следов имущественного расслоения, выдвигает предположение, что между жителями этого дома было полное равенство.

²⁰ Авторы коллективного труда «Всеобщая история архитектуры», т. I, М., 1944, стр. 161, описывая городские дома в Кноссе, обращают внимание на то обстоятельство, что только в непосредственной близости к дворцу дома размещены достаточно свободно, в то время как нераскопанные постройки на окраинах города, по всей вероятности, составляли компактные блоки, подобные блочным домам, известным по Палекастро и Гурнии. Жители открытых домов, по-видимому, принадлежали к слою населения, обладавшему политическим и экономическим весом в молодом государстве.

²¹ P. Demargne, H. Gallet de Santerre, Mallia. Exploration des maisons et quartiers d'habitations (1921—1948), P., 1953.

²² R. B. Seager, Excavations on the Island of Pseira, Crète, Philadelphia, 1910.

²³ J. Hazzidakis, Tylissos à l'époque minoenne, P., 1921; он же, Tylissos villas minoenne, P., 1934.

²⁴ D. G. Hagarth, Excavations at Zakro, ABSA, VII, стр. 121—149.

²⁵ Г. Чайлд, The Dawn of European Civilization, L., 1949, стр. 27, высказал предположение, что местное население Кносса пополнилось приезжими ремесленниками, которых привлекало богатство дворца и города.

²⁶ R. B. Seager, Excavations on the Island of Mochlos, AJA, XIII (1909), стр. 273—303; он же, Explorations on the Island Mochlos, Boston — New York, 1912.

²⁷ A. Schöngenderfer, Die minoische Siedlung von Apesokari, «Forschungen auf Kreta 1942», В., 1951, стр. 23 слл.

²⁸ R. M. Dawkins, Excavations at Palaikastro III, ABSA, X, стр. 202 слл.

²⁹ S. Marinatos, «Praktika», 1949—1951, стр. 100—149, 242—257 и 258—

можно выделить определенные городские черты (лавки, ремесленные мастерские, склады, архивы), свидетельствующие о распределении населения, со среднеэгейского периода проживавшего в Гурнии, Монастираки³⁰ и др., на две основные группы: на производителей продовольствия (земледельцев, скотоводов, рыбаков) и на потребителей излишков продовольствия (ремесленников, кушцов, работников администрации). Возникновение городов принадлежит к явлениям, которые неразрывно связаны с возникновением классового общества. Вот почему установление примерной датировки зарождения городов на Крите имеет большое значение для реконструкции главных этапов развития критского общества. Анализ расположения критских городов, характер их застройки и состав инвентаря, обнаруженного в городских домах, — все это дает возможность выделить портовые города (например Палекастро), которые развились из прибрежных торговых поселений, ремесленные (Ватипетро) или ремесленно-земледельческие центры и города — резиденции, такие, как Кносс, Фест³¹. Маллия, возможно, Монастираки, которые получили это название благодаря возведенным в их центре дворцам. Таким образом, изучение жилых поселений Крита позволяет бросить взгляд на тот период истории острова, когда в организующемся государстве возникли определенные условия для развития торговли, мореходства и рассчитанного на вывоз производства изделий местных художников и ремесленников.

4. *Связь между переходом от естественных пристаней к портовому строительству и изменениями в социальном строе Крита.* Крит, расположенный в месте пересечения важных морских путей, очень рано начал играть роль в морской торговле. Жители прибрежных критских селений специализировались в мореплавании. Контакты с заморскими странами облегчали естественные пристани, расположенные вдоль северного побережья острова. Древнейшие следы портового строительства относятся к среднеэгейскому периоду³²; именно в это время замечается впервые вмешательство государственной власти в наиболее важные области общественной жизни. Проявлением заботы государства о внутренней торговле было строительство пешеходных для того времени дорог, снабженных придорожными сторожевыми будками. Идя навстречу потребностям морской торговли, которая, несомненно, занимала важное место в экономике молодого государства, критяне начали совершенствовать естественные пристани и строить порты. Археологический материал свидетельствует о постоянном улучшении дорог и пристаней на Крите как в средние, так и в позднеэгейский периоды.

5. *Установление отдельных этапов эволюции мест культа и их связь с общественным развитием*³³. Памятники сакрального строительства позволяют, несмотря на фрагментарность материала, развить и уточнить тезис о том, что именно в их истории наблюдается явный разрыв между характером мест культа на Крите на рубеже ранне- и среднеэгейского периодов. Происходившие в начале среднеэгейского периода изменения в характере существовавших тогда мест культа (строительство культовых холмов, введение определенных тектонических элементов в пещерах) и начало собственно сакрального строительства (в пределах дворцов, вилл, на возвышенностях в городах) должны были, по-видимому, служить интересам формирующегося классового общества Крита, строго говоря, интересам возникающего господствующего класса и его идеологии. Последняя в рассматриваемый период начала проникать во все области духовной жизни, следовательно, и в религию, оказывая влияние на виды и характер сакрального строительства.

6. *Зависимость форм сакрального строительства от традиционных мест культа на вершинах гор, в священных рощах и около источников.* Происходивший в среднеэгейский период переход от природных мест культа к сакральному строительству трудно рассматривать как новый, не связанный с предыдущим этап в истории критского строительства. Живая традиция эпохи неолита и раннеэгейского периода нашла свое выражение в том, что образцами для строителей последующих периодов всегда были природные места культа. Темные внутри пещеры со сталактитами и сталагмитами нашли свое продолжение в липшенных притоках света криптах с колоннами. Окруженные почитанием священные источники находят соответствие в искусственных резервуарах, входивших в состав культового оборудования некоторых жилых построек. «Священные» холмы были частично заменены алтарями, воздвигнутыми под открытым небом на территории дворов, во дворцах.

7. *Попытка связать определенные типы сакральных мест с культовой практикой отдельных общественных слоев.* Несмотря на прогресс в области сакрального строительства, жители Крита не отказались от почитания прежних природных мест культа.

³⁰ E. K i r s t e n, Die Grabung auf der Charakeshöne bei Monastiraki, «Forschungen auf Kreta 1942», стр. 27—61; K. G r u n d m a n n, ук. соч., стр. 62—71.

³¹ L. P e r n i e r, Il palazzo minoico di Festos, Roma, 1935; L. P e r n i e r, L. V a n t i, ук. соч., II, Roma, 1951.

³² В Агиос-Теодорос (восточнее Гурнии) С. Маринатос, «Praktika», 1929, стр. 94, открыл остатки древнейшего в Европе порта. Они датируются среднеэгейским периодом.

³³ Данная тема развивается в моей статье Problemy periodyzacji.

На протяжении тысячелетий лишь немногое изменилось в культовых пещерах Крита. Крестьянин, обрабатывающий землю, жертвовал здесь божеству часть урожая со своих полей; скотовод и пастух отдавали под покровительство божества домашний скот, принося в пещеру фигурки животных; охотник, вероятно, столь же символически предлагал трофей своей первой охоты. Это направление культа шло своими собственными, по-видимому, никем не направляемыми путями. С другой стороны, существуют доказательства того, что сакральные постройки в пределах вилл, дворцов, а также в перестроенных или искусственным путем расширенных пещерах (например, Алкалохори ³¹) служили представителям господствующего класса, зажиточным купцам, землевладельцам и воинам. Именно в них было найдено прекрасное культовое оборудование святилищ (художественная керамика, обоюдоострые секиры из благородных металлов и т. д.).

8. *Связь форм погребальных сооружений отдельных периодов с происходящими в обществе изменениями* (L. Press, *Budownictwo sepulkralne...*). В эпоху неолита и в раннеэгейский период единственным местом захоронения покойников были, вероятно, естественные, изредка искусственно расширенные пещеры (Трапеза — JHS, LVI, 1936, стр. 152 сл.; Кумароспилю — BCH, LX, 1936, стр. 488). После того, как часть поселений была перенесена на равнину, где не было возможности использовать естественные скальные укрытия, население приступило к погребальному строительству. Обладая уже традицией жилого строительства, идущей от эпохи неолита, пришельцы воздвигали вблизи вновь построенных поселений большие погребения, предназначенные для сотен покойников. Это — купольные погребальные сооружения, восходящие к середине раннеэгейского периода. Они заняли плодородную равнину Мессары. Археологические памятники примитивного быта эпохи неолита свидетельствуют о том, что на Крите господствовал в ту пору родовой строй. Исследование расположения, размеров и содержания упомянутых памятников погребального строительства последующего времени дает значительно более точные данные о формах общины, о верованиях, связанных с культом мертвых, об уровне производства и даже о наиболее ранних контактах с внешними странами в раннеэгейский период. Из Мохлоса, Псиры и Палекастро происходят самые древние индивидуальные погребения; согласно Томсону ³², это видимый признак разложения рода. Таким образом, от среднеэгейского периода, с которым связываются переломные моменты в истории критского общества — возникновение государства и городов-резиденций с дворцами, найденными в разных частях острова, — сохранились различные виды индивидуальных или семейных гробов на два-четыре человека. В памятниках погребального строительства последующего времени проявляются определенные различия, отражающие, по-видимому, социальное расслоение в возникающем государстве. Во главе этого государства стоял властитель: царская гробница, известная нам из окрестностей Кносса (так называемый Temple Tomb. Evans, *The Palace of Minos*, IV, 2, стр. 995 сл.), заслуживает внимания благодаря своей архитектуре, дающей право занять этой гробнице исключительное место в развитии погребального строительства. Кладбища вокруг некоторых городов имели почти единообразные по форме комплексы погребений (камерные гробницы). Можно полагать, что это были захоронения рядовых жителей; в гробницах такого рода относительно равномерно размещены ценные предметы. Наряду с этими гробницами имеются кладбища, обнаруживающие явное социальное расслоение среди жителей города. В Зафер-Папуре ³³ 25% гробов принадлежало бедным людям; могильный инвентарь позволяет выделить гробы ремесленника, купца, воина. Более обстоятельная характеристика людей, похороненных в сводчатых гробницах, которые появились в некоторых частях Крита позднеэгейского периода, затруднена из-за отсутствия инвентаря: гробницы эти были разграблены еще в древности.

* * *

Рассмотрение всех известных нам типов архитектурных памятников, как находящихся *in situ*, так и изображенных в произведениях живописи, глиптики, ювелирного дела и торовтики, подтверждает существование разрыва в истории критского общества при переходе от периодов раннеэгейского III к среднеэгейскому I. Переход от первобытной общины к классовому обществу и государству выглядит на основании археологических материалов как медленный и неравномерный процесс. Расслоение общества и деление его на классы, по-видимому, произошло быстрее в прибрежных районах Крита, жители которых имели больше возможностей войти в контакт с внешним миром и обогащаться путем обмена, а затем и торговли. Деревушки же

³¹ J. Hazzidakis, *An Early Minoan Sacred Cave at Alkalochori in Crete*, ABSA, XIX, стр. 35—47.

³² G. Thomson, *Studies in Ancient Greek Society. The Prehistoric Aegean*, L., 1949, стр. 250.

³³ A. Evans, *The Prehistoric Tombs of Knossos*, «Archaeologia», LIX (1904), 1. стр. 391 сл.

земледельцев и пастухов, расположенные в горах, труднодоступные и изолированные от внешнего мира, значительно дольше сохраняли старые родовые традиции. Эти остатки прошлого сопутствовали некоторым социальным группам на протяжении всего бронзового века. Попытка реконструкции процесса становления классового общества и государства, представленная здесь лишь в самых общих чертах и главным образом на основании одной, правда, самой богатой и наиболее разнообразной группы археологических памятников, несомненно, требует дальнейшего, значительно более широкого исследования³⁷. Для изучения проблемы строительства на Крите большую роль сыграл бы выход исследователя за границы острова Крита и проведение сравнительных изысканий, которые при современном уровне исследований все еще весьма фрагментарны. Это позволило бы нам лучше понять историю критского строительства и дало бы новые данные для решения вопроса о генезисе греческой архитектуры.

Л. Пресс